

ОЧЕРК ВОЗЗРЕНИЙ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ПРИРОДУ.

Во всей обширной области „искусства“ (эстетики и этики в широком смысле), основное воззрение на человеческую природу всегда играло и играет в высшей степени важную роль. Для того чтобы убедиться в этом, стоит припомнить только некоторые спорные вопросы из области политики, нравственности или искусства. Так, напр., при обсуждении столь живого женского вопроса, он постоянно сводится к вопросу о женской природе и решается так или иначе, смотря по взгляду на нее. Противники женской свободы, как, напр., Огюст Конт, удовлетворяются доказательством положения, что природа женщины ниже мужской; тогда как защитники женщин находят необходимым опровергнуть это положение. Сходные приемы употреблялись и при решении вопроса об освобождении негров, который был сведен на чисто антропологическую почву. В области изящных искусств, вопрос о человеческой природе, составляя часть более общего вопроса об отношении искусства к природе вообще, уже по этому одному занимает одно из самых первостепенных мест.

Жизнь, непосредственно соприкасающаяся с прикладными отраслями науки, т.-е. с искусством в обширном смысле слова, при решении всех своих вопросов обращается к науке, чтобы узнать и принять к сведению результаты, добытые ею. Ввиду этого я решаюсь обратить внимание читателя на антропологическое воззрение на человеческую природу, но прежде, чем излагать это, я считаю, однако же, нужным представить беглый очерк других главнейших воззрений на тот же предмет.

Обращусь, прежде всего, к воззрению, вытекающему из проявлений так называемых первобытных или естественных народов, стоящих, как полагают, обыкновенно ближе всего к природе.

Можно сказать вообще, что нет первобытного народа, который бы в большей или меньшей степени не прибегал к искусству с целью изменить свои природные свойства и который бы, следовательно, смотрел на лучших представителей человеческого рода, как на идеал, к уподоблению которому следовало бы стремиться.

Не удовлетворяясь тем, что дала человеку природа, так называемые первобытные люди употребляют нередко самые изумительные усилия для улучшения своего внешнего вида, так что не остается ни одного мало-мальски доступного органа, который бы

у того или другого народа не был подвержен искусственным изменениям. Особенно большая доля их приходится на части головы. Не говоря о волосах, подлежащих самым разнообразным изменениям формы и окраски, как это отчасти делается и у всех цивилизованных народов, — упомянем о других частях. Зубы подвергаются у многих первобытных народов изменениям как цвета, так и формы. Женщины племени фелата, в центральной Африке, красят себе зубы попеременно в голубой, желтый и красный цвета и оставляют только некоторым, для контраста, их естественный белый цвет. На островах Малайского архипелага с зубов удаляют эмаль и чернят их, чтобы (как они говорят) они не были похожи на белые зубы собак. Некоторые народы выбивают передние резцы, а женщины в одной части Суматры спиливают их до десен. У других народов существует обыкновение придавать зубам заостренную, коническую форму и т. д. На губах делают надрезы, украшают их вкладыванием костей, палочек и пр. В центральной Африке женщины прободают нижнюю губу и вкладывают в нее полированный кристал, который во время разговора совершает очень смешные движения. Нос и уши с давних пор сделались местом для вкладывания серег и других украшений; кроме того, нос у некоторых народов (как, напр., у таитян, малайцев Суматры, готтентотов и пр.) подвергается сплющиванию, а уши (у бетокудов и ленгаусов Южной Америки) вытягиваются до плеч. Различные виды раскрашивания лица, татуирования и образования искусственных бородавок до того распространены у первобытных народов и притом настолько разнообразны, что одно перечисление фактов заняло бы целую главу (об этом собраны более подробные сведения в первой главе „Происхождение цивилизации“ Леббока и в девятнадцатой главе „Происхождение человека“ Дарвина). Обратимся, поэтому, к менее общеизвестному, но в высшей степени интересному явлению, именно к искусственному изменению формы головы. Этот с первого взгляда поразительно странный обычай распространен почти по всему земному шару, что одно уже указывает на его давнее происхождение. В одних случаях голову кладут в тиски, с целью расширить ее в других же случаях, главным образом, имеется в виду удлинить ее и придать ей форму сахарной головы и т. д. По крайней мере на острове Целебесе детям обматывают голову выбитой корой одного дерева, затем обвязывают ее платком и, наконец, втискивают между двух досок. Операция эта тянется от четырех до пяти месяцев, после чего голова уже получает желанную форму ¹⁾. Обычай этот встречается еще у некоторых европейских народов, как, напр., у южных французов, а также у грузин, которые накладывают грудным детям повязку вокруг головы. Но несравненно больше он был распространен в Европе в древние времена, как это показывают находимые в самых различных местностях (в Са-

¹⁾ См. статью *Риделя* в *Zeitschrift für Ethnologie*, 1871, стр. 110. Недавно Берлинское антропологическое общество получило в подарок такой прибор с острова Целебеса.

войе, Швейцарии, Англии, Австрии, Крыму и на Кавказе) искусственно изуродованные черепа, а также сообщения древних писателей (главным образом Гиппократ) о „макроцефалах“, народе с необыкновенно длинной, получаемой искусственным путем, головой.

Не одна голова подвергалась различного рода „уродованиям“ с эстетической целью. Из других частей тела в этом отношении должны быть упомянуты икры, об искусственном изменении которых у американских индейцев писал Гумбольдт, а также — женские груди и ноги. В то время как одни народы стремятся всячески удлинить груди, другие, наоборот, принимают меры к их сплюснению. Этот последний прием употреблялся и некоторыми европейскими народами; полагают даже, что он еще до сих пор в обычае в некоторых местностях Германии (напр. в Брегенцервальде). В Испании в шестнадцатом и семнадцатом столетиях молодым девушкам сдавливали созревающие груди свинцовыми пластинками и достигали этим способом почти полной атрофии молочных желез. Общеизвестный факт искусственного уменьшения ног у китайцев доходит до перемещения целой суммы костей пальцев и ступни, и хотя известия некоторых писателей о неподвижности китайцев с такими ногами и оказались неверными, тем не менее не подлежит сомнению, что искусственное уменьшение не остается без вредных последствий.

Полагают, что человек прибегает к искусственному изменению частей своего тела с целью усилить природные особенности их и тем приблизиться к идеалу красоты данного народа. Таким образом думают (Дарвин), что от природы малые размеры ног китайцев вызвали искусственное уменьшение ноги, что сплюснение носа и удлинение головы практикуются народами, у которых и без того уже нос плоский и голова длинна. Не отвергая этого объяснения для некоторых частных случаев, оно, однакоже, не может быть принято, как общее правило. Против него говорят прямо такие искусственные приемы, как например, татуирование верхней губы у женщин айно с целью изобразить подобие усов. Случай этот особенно замечателен еще тем, что такие татуированные усы обыкновенно окрашиваются в синий цвет ¹⁾. Можно привести еще случай искусственных покрашенных усов у мужчин даяков, лишенных от природы этого украшения ²⁾.

Перечисленные факты, взятые все вместе, указывают на то, что народам на первобытной стадии развития данный природою человеческий образ не представляется идеалом прекрасного. Другие факты свидетельствуют, что от них не ускользнуло и недостаточно полезное устройство нашего тела. Целый ряд искусственных приемов употребляется людьми с целью, по возможности, устранить некоторые природные особенности нашего организма. Сюда можно отнести, например, обрезание, столь распро-

¹⁾ См. Archiv für Anthropologie, 1872. Протоколы Берлинского антропологического общества, стр. 27.

²⁾ Уоллес. Малайский архипелаг.

страненное у многих народов. Обрезание девочек не ограничивается только мусульманскими народами Африки, но встречается также и у западно-африканских негров, у яванских малайцев и даже у перуанских индейцев ¹⁾. Некоторые писатели приписывают этой операции цель чисто практическую. Другой обычай (так наз. инфибуляция, сшивание или сращивание малых губ) также весьма распространен у народов Африки и Азии. К той же категории искусственных изменений можно отнести еще вырезывание одного яичка у готтентотов, а также вытягивание и другие приемы, употребляемые кабрами для закидывания груди за спину для кормления. В высшей степени интересен упоминаемый Гиппократом обычай сарматов прижигания правой груди посредством медных пластинок и правой руки у участвовавших на войне сарматских женщин.

Несмотря на отсутствие определенных философских воззрений у первобытных народов, на основании только многочисленности и распространенности приемов для усовершенствования человека в практическом и эстетическом отношениях можно уже утверждать, что народы эти смотрят на человеческую природу как на нечто несовершенное и способное изменяться под влиянием человеческой воли.

Существенное отличие представляет эллинское воззрение на человеческую природу, воззрение, почти целиком перенесенное и в мирозерцание новейшего мира. Высокое мнение о человеческой природе во всех отношениях составляет одну из самых характерных черт древних греков ²⁾. В то время, как азиатские предшественники их в деле цивилизации представляли своих богов чаще всего в виде фантастических существ со смешанными признаками человека и самых разнообразных животных, греки, „создавшие божества целиком по собственному образу и подобию“, придавали им реальный образ лучших представителей человеческого рода. Значение этого факта во всей греческой жизни и цивилизации не может быть преувеличено. Почитание человеческой природы ограничивалось не одним внутренним содержанием ее, но распространялось и на внешнюю форму. Всем известно, какое важное значение в деле воспитания имели телесные упражнения, каковы: гимнастика, плавание и пр. Стремясь достигнуть наибольшего физического совершенства, идеал греков никогда не переступал, однако же, за пределы данного природою человеческого образа. Поэтому мы у них не встречаем ничего, подобного искусственным операциям дикарей для изменения частей тела. Напротив, все их приемы при ухаживании за телом ограничивались лишь ничтожным отступлением от природных условий. В этом отношении у них на первом плане стояло помажение волос и натирание тела маслом, считавшееся столь важным для гимнастических упражнений. В более древний период (до начала персидских войн) афиняне отпускали косу, но и потом они носили довольно

1) См. статью *Плосса* в *Zeitschrift für Ethnologie*, 1871, стр. 382.

2) „Mensch sein war dem Griechen das Höchste“ (Stahr *Torso*, стр. 17).

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУКОВО-УЧЕБОВА

длинные волосы. Бритье бороды считалось постыдным, так как голый подбородок придавал неестественную для мужчины женственность; оно вошло во всеобщее употребление только во времена македонского владычества, но и тогда не соблюдалось философами, находившимися в противоречии с существующими воззрениями ¹⁾).

Греческое поклонение человеческой природе целиком отразилось в пластическом искусстве и обусловило первенство греков в этой области. Поставив задачей искусства точное воспроизведение наиболее совершенного человеческого образа, греческие художники измерили все части тела и с помощью этого столь приблизились к действительности, что современная наука подтвердила все их главные выводы. Скульптура, как искусство, наиболее соответствующее воззрению греков на человеческую природу, сделалось у них национальным. По самой природе своей оно всего более пригодно для изображения целого, гармонически сложенного тела. Вот что говорит по этому поводу Ипполит Тэн ²⁾: „Статуя—большой кусок мрамора или бронзы—обыкновенно стоит на пьедестале одна; ей невозможно сообщить того пылкого жеста или слишком страстного выражения, которые передаются живописью и допускаются в барельефах“... „Кроме того статуя солидна: члены ее и торс вески, тяжелы; можно обойти вокруг нее и измерить глазом всю материальную ее толщу; притом она обыкновенно совсем или почти нага, и потому ваятель должен придать туловищу и членам такое же значение, как и голове, и отнестись с равной любовью как к животной стороне, так и нравственной. Одна лишь греческая цивилизация удовлетворяет этим обоим условиям. На этой ступени и в этой именно форме культуры люди непосредственно наслаждаются телом; душа не подчинила его себе, не отбросила на второй план; оно само по себе сохраняет важное значение. Зритель дает одинаковую цену различным частям его, благородным и неблагородным—и широко дышащей груди, и гибкой, сильной шее, и мышцам, образующим то впадины, то вздутые бугры вокруг хребта, рукам, которым придется метать диск, голениам и ступням, которых упругость подбрасывает всего человека вперед на бегу и при скачке“. Греческая философия ставила чрезвычайно высоко всего человека, и, между прочим, его тело и образ. Демокрит восхвалял древних за то, что они посвятили части человеческого тела богам: голову—Зевсу, глаза—Палладе и т. д. Соответственно идеалу греческого искусства и нравственная философия греков выработала „уважение ко всем задаткам человеческой природы и стремление к гармоническому развитию целого человека“. Воззрение это, выраженное у Платона, сделалось основным принципом старой академии и затем перешло в новую академию, а оттуда в скептическую школу.

¹⁾ См. *Германн*. Lehrbuch der griechischen Privatalterthümer, I, 1870, стр. 175—177.

²⁾ За неимением под руками подлинника „Чтений об искусстве“ Тэна, приходится цитировать по неудачному переводу, изданному в Москве в 1874 году (стр. 388).

Так, напр., по мнению Ксенократа (четвертого столетия), принадлежавшего к старой академии, „счастье заключается в выполнении всех естественных действий и состояний, в обладании свойственной человеку добродетелью и всеми служащими ей способностями“ (Целлер, I. с., 880).

Но столь общий принцип, резко выражающий античное воззрение на человеческую природу, отчасти именно в силу своей общности не мог решать безапелляционно более частных вопросов, по отношению к которым мы, поэтому, и встречаем многочисленные противоречия и разногласия. Так как последние, однакоже, имеют очень важное значение в деле рассматриваемого нами вопроса, то я и обращаюсь к некоторым из них. Взгляд Платона и его ближайшего ученика, Спевзиппа, на наслаждение, как на нечто, не входящее в представление о благе, встретил противника в другом ученике Платона—Аристотеле. По его мнению „наслаждение составляет естественный конец всякого действия, результат, столь же непосредственно связанный с совершенной деятельностью, насколько красота и здоровье связаны с совершенным устройством тела“,—„цель, на которой успокаивается всякое жизненное движение“ (Целлер, I-е издание, т. II, 2, стр. 447).

Воззрение на цель нравственной жизни, как на стремление к сообразованию с природою (метриопатия), перешло, как сказано, и в более поздние школы античной философии, но каждая из них смотрела по-своему на содержание и границы „естественности“ и „естественной жизни“. Так, по учению стоиков, „высшее благо и высшая цель, или счастье, может заключаться только в сообразной с природою жизни. Но таковою может быть для каждого человека только то, что совпадает с ходом и законом мирового целого или с мировым разумом, и всякое сознательное и разумное существо должно стремиться только к тому, что вытекает из познания этого общего закона (Целлер, первое издание, III, 1, стр. 193). Эпикурейская школа, исходя из того же основного принципа жизни, сообразной с природою, доказывала, что „наслаждение составляет естественное благо, то-есть сообразно с природою и есть самодовлетворенное состояние каждого существа“ (Целлер, I. с., стр. 401). Интересен позднейший эклектизм Цицерона и его критика стоических воззрений. Он считает противоречием с их же основным принципом—жизни сообразно с природою—исключение из понятия о благе чувственных наслаждений, „которые также принадлежат нашей природе, которой свойственно и здоровье, и освобождение от страдания, и хорошее расположение духа, и даже чувственное наслаждение“. „Жить сообразно с природою не значит вовсе отречься от нее,—говорит он,—но охранять и развивать ее“ (Целлер, I. с., стр. 589).

При таком преклонении перед природою философия должна была сделаться фаталистической и учить „принимать вещи так, как они сложились“,—спокойно перенося несчастья как неизбежные атрибуты действительности. Таким образом Карнеад выражал не свое единоличное мнение, когда утверждал, что мысль о возможности несчастья должна уже утлять страдание, и когда он

дсказывал, после разрушения Карфагена, что мудрец не должен горевать ни в каком случае, даже при гибели родного города. Еще резче высказывается Марк Аврелий о смерти, которую мы всегда, наступит она раньше или позже, должны встречать со спокойной радостью, довольствуясь одной мыслью об ее естественности.

В конце древних веков, с упадком античной цивилизации, и прежний взгляд на человеческую природу уступил место новому. Противоречие в стоическом взгляде на нравственность с основным воззрением на человеческую природу дошло у одного из позднейших римских стоиков, у Сенеки, знаменитого современника Иисуса Христа, до полного разрыва. Убеждение в нравственной слабости и несовершенстве человека, в вездесущии и всеилии порока привело Сенеку к признанию неразумного и порочного начала в самой человеческой природе. Начало это, по его мнению, лежит в теле, в нашей плоти, которая до того ничтожна, что о ней не стоит и думать; она составляет только оболочку нашей души, кратковременное вместилище ее, в котором она никогда не может чувствовать себя спокойно,—бремя, которое ее давит, тюрьма, к освобождению из которой она стремится. Душа, по мнению Сенеки, должна бороться с телом, через посредство которого она получает страдания и невзгоды, сама же по себе она чиста и неприкосновенна и стоит столь же выше тела, насколько божество выше материи (Целлер, I. с., 633).

Подобный же дуализм (но только в сильнейшей степени) и связанное с ним пренебрежение к телу и возвеличение души характеризуют христианское воззрение на человеческую природу. В четвертом и пятом веках христианской эры это воззрение выказалось с полной силой, и высшим идеалом человеческих стремлений сделалось „подавление всей чувственной стороны нашей природы“. Борьба с плотью выступила на первый план, и восточный аскетизм распространился по всему христианскому миру. „Подавление голода, жажды, сна, отречение от всяких наслаждений, впечатлений зрения, слуха, вкуса, особенно подавление потребности к размножению делалось в глазах верующих назначением человека. Поэтому была предпринята борьба против природы, против всех, даже самых невинных удовольствий, которые они, в силу убеждения в природной испорченности человеческой природы, считали пороком“. Какой полный контраст „с покойным и веселым тоном, характеризующим греческую философию, которая не имела понятия о борьбе против существующей будто бы природной порочности и испорченности человека“ ¹⁾. Дуалистическое воззрение сделалось столь резким, что прозелиты, ревнуя о спасении души, до того загнали тело, что в физическом отношении спустились почти до степени диких животных. Отшельники поселялись в звериных норах, сбрасывали с себя всякую одежду и бродили нагие под покровом отращенных волос. „В Месопотамии и части Сирии образовалась секта под названием пасущихся, которые не

¹⁾ Лекки. „История нравственности в Европе“. Немецкий перевод Иоловича, Т. II, стр. 97.

имели постоянных жилищ, не ели ни хлеба, ни овощей, но скитались по горам и питались травой. Чистота тела считалась загрязнением души, и из святых наибольшим почетом пользовались не те, которые заботились о чистоте тела. Афанасий рассказывает с восторгом, что святой Антоний, отец монашества, никогда в старости не мыл себе ног" (Лекки, I, с., II, 88).

Под влиянием такого крайнего дуализма, все природные человеческие инстинкты извратились до последней возможности. Инстинкты семейные, общественные заглушились до того, что по отношению к родственникам, соотечественникам фанатизированные христиане были хуже, чем равнодушны. Одного, святого прославляли за то, что он был строг и жесток только по отношению к родственникам. Рассказывают, что когда один верующий обратился к аббату Сизесу с просьбой принять его в монастырь, аббат спросил его, есть ли у него кто-либо близкий. „У меня есть сын“, — отвечал христианин. — „Возьми своего сына, — сказал ему на это аббат, — брось его в реку и только тогда ты можешь сделаться монахом“. Отец тотчас же приступил к выполнению требования, которое только в самую последнюю минуту было взято назад аббатом. По отношению к отечеству требовалось столь же полное отречение (Лекки, II, 100, 108, 112).

Неудивительно, что при таком мировоззрении, подавление инстинкта к размножению и безбрачная жизнь, которую Христос и апостол Павел не вменяли верующим, а выставляли только идеалом высшей степени подвижничества, сделалась обязательною для монашества и католического духовенства. Христос сказал ученикам в ответ на замечание их, что при затруднении развода лучше вовсе не жениться: „не все вмещают слово сие, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые осклоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами, ради царства небесного. Кто может вместить, да вместит“. (Матф., XIX, 11, 12). Как известно, место это было понято различно: одни видели в нем одобрение простой безбрачной жизни, другие же, напротив, усмотрели, в нем указание на физическое осклопление. Оба эти толкования привели к различным формам безбрачия, которое сделалось необходимым условием подвижничества. Апостол Павел не настаивает на нем, но рекомендует верующим, как нечто очень желательное. „Я желал бы, — говорит он, — чтобы все люди были, как я“. „Кто выдает замуж (девицу), хорошо делает, а кто не выдает — делает лучше“ (I Коринф., VII, 8, 8, 39). На основании таких пожеланий, церковь, начиная с четвертого века, стала постепенно вводить безбрачие, которое вошло в полную силу в латинской церкви в начале одиннадцатого столетия (при Григории VII).

Дуалистическое воззрение, дошедшее до извращения стольких человеческих инстинктов, должно было неминуемо отразиться и в христианском искусстве. Скульптура, имевшая такое первенствующее значение в античном мире и столь тесно связанная с основами греческого мирозерцания, стала быстро клониться к упадку. В Восточной Римской империи она продержалась дольше, но в

Италии она почти окончательно заброшена в восьмом столетии. Живопись удержалась, но также подверглась сильному упадку. Все произведения искусства Италии в век Каролингов обнаруживают грубое равнодушие к естественной форме, отсутствие гармонии и чувства изящного. Еще дальше в глубь средних веков итальянское искусство упало еще сильнее. „Об изучении природы и необходимости ближайшего знакомства с человеческим образом никто не думал. Эпоха, в которой на каждом шагу предполагалось участие неземных сил,—говорит Шнаазе,—эпоха, миросозерцание которой зиждилось на резком контрасте небесного с земным, не могла и в искусстве держаться границ физической законности, обычного хода природы“¹⁾. Тесная связь между христианским воззрением на человеческую природу и средневековым искусством не подлежит сомнению, несмотря на разногласие некоторых специалистов. Вот еще отзывы двух сведущих судей. „Враждебное отношение (христианства) к искусству и его тогдашней обстановке,—говорит Куглер²⁾,—повело даже к борьбе против взгляда на искусство вообще. Древние божества производили впечатление высоким наружным достоинством и обаятельной прелестью, которые художники внесли в их изображения; христианство, напротив, хотело действовать на один только дух, помимо всякой внешности, которая так или иначе могла прельщать чувство или затемнять чистоту мысли“. Следующее место заимствовано из цитированных уже выше „Чтений об искусстве“ Тэна: „В средние века,—говорит он,—чрезмерное развитие духовного и внутреннего человека, стремление к неземным созерцаниям, культ скорби, презрение к телу доводят воображение и чувствительность до ясновидения и каких-то серафических восторгов“. „Отсюда в жизни и скульптуре лица безобразные или, по крайней мере, некрасивые, часто вовсе уродливые и безжизненные, почти всегда, худые, чахлые, изможденные и страдальческие“ (стр: 335).

Нельзя не признать, что и в самые тяжелые времена для искусства выдавались отдельные произведения, свидетельствовавшие о присущем европейскому духу чувству изящного, но не подлежит сомнению, что только восстановление сокровищ античной цивилизации произвело коренное улучшение в искусстве. „Наука рисования,—говорит Легран,—терялась с каждым днем и увлекала искусство к неизбежному и полному распадению, когда великие вожди итальянского возрождения обратились к античной древности и нашли в ней искомую тайну ее силы и могущества“. Великими мастерами в искусстве становятся люди ученые, владеющие математикой и измерительными методами, как, напр., Альберти, Леонардо да-Винчи, Микель Анджело и др. Греческие идеалы искусства, близость к природе, вкус к изящным формам оживают снова.

Рядом с возрождением эллинского духа в искусстве, реформация стала в защиту человеческой природы. Она восстала против католического насилования природных инстинктов и изгнала без-

1) Шнаазе. Geschichte der bildenden Künste, т. III, 577, 584, и IV, 717.

2) Руководство к истории живописи, 1872, стр. 4.

брачие и монашество. В лютеранском мирозерцании мы на каждом шагу встречаемся с античными воззрениями, которые то искусственно вплетаются в догматы христианского вероучения, то сплавляются с ними в нечто более или менее цельное. Таким образом в ученых лютеранских трактатах говорится о „возможно полном развитии всех естественных сил“ человека, как об одном из главнейших назначений человека. В силу этого нравственные правила, стремящиеся к полному освобождению души от тела, оказываются в противоречии с одним из основных законов нашего существования и потому теряют всякое значение. По мнению лютеранских учителей, не только потребность размножения, но и „стремление к собственности, чести, власти и чувственному удовольствию составляют естественные потребности нашего сердца, потребности, которые не могут быть уничтожены, но которые, напротив, должны быть облагорожены и развиты. А так как христианство в своих нравственных предписаниях главным образом имеет в виду полнейшее развитие и образование всех сил и способностей, то оно никоим образом не может желать уничтожения и заглушения столь важных потребностей“ ¹⁾. Нельзя не заметить, что тут христианству приписывается совершенно эллинское основное воззрение.

Еще цельнее перешло последнее в область философии новой, или эллино-христианской цивилизации. В этом отношении особенно замечательно прошлое столетие, философское развитие которого имело, как известно, огромное влияние на все сферы человеческой жизни. В первой половине его в Великобритании выступает Гютчесон, основные воззрения которого на человеческую природу почти целиком сходятся с греческими. „Гютчесон,—говорит Бокль ²⁾),—смело утверждал, что все наши естественные склонности законны и что удовлетворение их равняется с самой высокой добродетелью. В его глазах они были законны, потому что были естественны; тогда как по теологическому учению самая естественность их была причиною порочности. В этом-то и заключается основное различие между практическими взглядами Гютчесона и теми, какие принимались прежде. Подобно всем великим мыслителям XVII и последующих веков, он любил человеческую природу и уважал ее; но не любил и не уважал людей, которые скрывали ее и тем ослабляли ее силу и портили ее красоту. Он чувствовал больше доверия к человечеству, нежели к его правителям. Шотландское духовенство до этого времени поносило всю человеческую природу. По его мнению в нас не заключалось ничего, кроме греха, а потому все наши желания должно было парализовать. Честь и слава Гютчесону,—присовокупляет Бокль,—который впервые публично восстал в Шотландии против этих безнравственных понятий“. Эта последняя фраза имеет для нас важное значение, потому что указывает на то, какой сильный отголосок встретило античное воззрение на человеческую природу у одного

¹⁾ Рейнгардт. System der christlichen Moral, т. IV, 1814, стр. 431, и т. III 1813, 14.

²⁾ История цивилизации, II, 372.

из влиятельнейших представителей новейшей эпохи умственного развития ¹⁾. Если мы вернемся к восемнадцатому столетию и обратимся к воззрениям французских мыслителей, то на каждом шагу увидим более или менее близкое возвращение к эллинскому мирозерцанию. Так, напр., мы узнаем его в следующем знаменитом изречении Жан Жака Руссо, столь наглядно резюмирующем его основные воззрения: „Все прекрасно, выходя из рук Творца вещей; все вырождается в руках человека. Он принуждает почву одной страны питать произведения другой, одно дерево производить плоды другого. Он смешивает и спутывает климаты, элементы, времена года; он уродует свою собаку, лошадь, раба; он все сокрушает и извращает; он любит безобразие, уродов; он ничего не хочет оставить в таком виде, как сделала природа, ни даже человека; ему нужно выдрессировать его, как лошадь, переделать его по-своему, как плодородное дерево“ (Эмиль, I, 1). Нет надобности распространяться здесь о том, какое сильное впечатление и влияние производили в свое время эти убеждения, высказанные притом с таким неподдельным жаром. Всем известно, что они проникли в педагогию, государственную науку и возбудили многочисленные путешествия с целью изучения ближайших к природе первобытных народов.

Французские мыслители из лагеря энциклопедистов, несмотря на столь враждебный Руссо материализм, разделяли с ним основной взгляд на человеческую природу. В ней они искали ключ всей практической философии. Один из весьма видных представителей французского материализма прошлого столетия, барон Гольбах, издал сочинение под заглавием „Всеобщая нравственность, или обязанности человека, основанные на его природе“. Как видно уже из этого основу теории Гольбах полагает в естественных свойствах человека. „Мотивы (предлагаемой нравственности),— говорит он,—чисто человеческие, то-есть основанные единственно на природе человека, какою она представляется нашим глазам“. „Прежде чем иметь религию, человек уже есть человек, и какую бы религию он ни признавал, нравственность должна быть всегда одинакова и именно такова, какую природа предписывает всем людям“.

Через посредство философии прошлого столетия античное воззрение перешло и в нашу нынешнюю эпоху, как это мы видели уже отчасти из вышеприведенной цитаты, в которой Бокль высказывает свои симпатии убеждениям Гютчесона. Некоторые ученые нового времени, быть может, сами того не подозревая, чрезвычайно близко подошли к воззрениям древних философов. Подобно последним, предписывавшим „уважение ко всем задаткам человеческой природы и стремление к гармоническому развитию целого человека“, Вильгельм Гумбольдт устанавливает следующий основной принцип: „Конечная цель человека,—говорит он (цитировано у Милля, „Свобода“, стр. 274),—т.-е. та цель, которая ему предписывается вечными, неизменными велениями разума,... состоит

¹⁾ Сходные взгляды встречаем мы и у Дж. Льюиса, например, на стр. 296 его „Истории философии“.

в наивозможно гармоническом развитии всех его способностей в одно полное и состоятельное целое". Подобно этому определяет Лекки цель жизни, которая, по его мнению, состоит „в полном развитии всего существующего в положенных природою размерах и отношениях“ (I. с., I, стр. 103). В сущности сходно с этим и одно из новейших определений нравственности, принадлежащее Георгу Зейдлицу, натуралисту и ревностному последователю дарвинизма. „В удовлетворении всех отправлений тела в должной степени и взаимном отношении друг к другу заключается рациональная и нравственная жизнь“ ¹⁾. Определение самого Дарвина отличается от этого только второстепенными пунктами: „Выражение „общее благо“,—говорит он,—может быть определено как обозначение развития возможно большого числа особей в полной силе и здоровья, со всеми способностями, в наиболее совершенной степени развития, возможной при данных условиях“ („Происхождение человека“, немецкий пер. третьего издания, I, 156). Приведенные цитаты считаю достаточными для того, чтобы уяснить как современные воззрения на человеческую природу, так и связь их с принципами античной философии ²⁾.

Из представленного мною очерка можно видеть, что воззрения на человеческую природу вообще распадаются на две большие категории: одна из них обнимает воззрения, по которым природа наша должна служить источником и образцом как для изящного, так и для нравственного искусства; другая же заключает взгляды, которые не останавливаются на природных свойствах человека и которые, наоборот, побуждают его унижать свою природу и изменять ее сообразно с какой-нибудь определенной целью.

Если мы несколько подыдемся над уровнем обеих теорий и, вооружившись результатами современного естествознания, спросим себя: какая же из них более соответствует истинной природе человека? то по рассмотрении дела должны будем притти к заключению, что воззрения второй категории по существу своему естественнее. Как ни парадоксален с первого взгляда этот вывод, но он, мне кажется, может быть доказан.

Что же говорит нам наука о человеческой природе? Она показывает прежде всего, что подчиненный тем же законам, как и остальные живые существа, человек подвержен процессу изменчивости, в силу которого человек произошел из какой-нибудь более низкой животной формы и в силу которого же, сделавшись человеком, он претерпел ряд дальнейших видоизменений. Принятый Боклем принцип постоянства естественных способностей чело-

¹⁾ Die Darwin'sche Theorie, 2 издание, 1875 г., стр. 272, прим. 25.

²⁾ Все эти воззрения представляют собой попытки буржуазных мыслителей найти „вечные“ основы человеческой нравственности, исходя из „неизменных естественных“ свойств человека. Между тем „свои нравственные воззрения люди, сознательно или бессознательно, черпают в последнем счете из практических условий их классового положения, т. е. из экономических отношений, обуславливающих собой производство и обмен продуктов“ (Энгельс). Вот это-то весьма существенное обстоятельство здесь и упускается из виду. *Ст. Кр.*

века не подтверждается современной антропологией. Как ни мало подвинулась еще эта только что зарождающаяся наука, тем не менее, она выработала уже твердое убеждение в существовании изменчивости как в особенностях формы, так и в отправлениях органов человека. Поль Брока показал, что емкость парижских черепов увеличилась с двенадцатого столетия. Зубная система, напротив, представляет случай ослабления развития; так, напр., зубы мудрости очевидно стремятся уничтожиться: нередко они вовсе не прорезываются на одной из обеих челюстей; в случаях же своего появления (по крайней мере у кавказской расы) корни их сливаются, и на коронке нередко недостает одного (четвертого) бугорка. Клыки теряют свою заостренную, коническую форму и во многих случаях уже вполне уподобляются резцам. Сравнительное изучение человеческих рас показывает у них ряд анатомических отличий. Как бы мы ни смотрели на вопрос о происхождении таких расовых признаков, несомненно, однакоже, что они указывают на изменчивость в области человеческого организма. Есть основание думать, что кавказская раса (и вообще так называемые высшие расы) явилась в результате изменения какой-нибудь более низшей расы,—процесса, следы которого сохранились в развитии отдельного индивидуума.

Хотя в настоящее время невозможно определить в точности, какими именно путями совершались форменные изменения, но очевидно, что тут играли существенную роль моменты усиленного или ослабленного употребления данного органа. К первому прибегают для объяснения увеличения емкости парижских черепов, а последний объясняет уменьшение и изменение зубной системы. Те же причины (употребление и неупотребление органов) обусловили слепоту пещерных животных, неподвижность многих паразитов и целый ряд других явлений живой природы.

Еще более глубокие изменения сопровождали переход от животнобразного прародителя к первобытному человеку. Современная теория происхождения человека может быть причислена к числу наиболее прочных научных теорий. Она показывает, что человек получил все свои органы от какого-нибудь более низкого в системе животного, передавшего по наследству, между прочим, и такие части, которые, сделавшись бесполезными, мало-по-малу заглохли, оставив, однакоже, по себе более или менее заметные следы в виде так называемых рудиментарных, или остаточных, органов. Выражаясь образно, можно сказать, что в человеческом теле заключено целое низшее животное существо. У человека есть остаточный хвост, остаточный шерстный покров, рудиментарный кожный мускул. Зубная система со стремящимися к уничтожению зубами мудрости и теряющими первоначальную форму клыками составляет столь же явное наследие от животных, как и части, а может быть и целая ушная раковина, носовые раковины и остаток третьего века. Кишечный канал человека включает в своем червеобразном отростке, всегда бесполезном, а нередко даже вредном, орган, унаследованный в конце концов от какого-нибудь травоядного животного, которому он необходим для затруднительного

переваривания пищи, содержащей клетчатку. Мускульная и половая системы человека чрезвычайно богаты рудиментарными органами.

В то время как некоторые из перечисленных рудиментов окончательно потеряли способность действовать, другие, напротив, могут еще совершать отправление и развиваться по мере упражнения. Так, напр., замечено, что упражнением можно развить зачаточные ушные мышцы, совершенно бесполезные человеку. Некоторые из наших мимических движений составляют также подобный остаток животности в человеке. При сильном гневе у него приподымаются углы рта и обнажаются клыки, т. е. делается жест, столь обыкновенный у животных; но в то время, как у последних он имеет положительное значение и сопровождается затем кусанием, у человека сохранилась только первая половина процесса. Только в некоторых случаях у детей, чаще же всего у сумасшедших, наблюдали вслед за подобным жестом приведение в действие зубов. Приподымание волос дыбом, замечаемое у человека только при самых сильных аффектах, обуславливается напряжением мелких подкожных мышц, которые развиты у животных гораздо больше и которые, обуславливая общее ошетиивание, играют у них весьма важную роль. К категории таких остаточных явлений у человека должно быть отнесено и образование гусиной кожи.

Итак, мы видим, что человек представляется сложным результатом длинного процесса, оставившего по себе нередко очень явственные следы. Процесс этот вообще имеет характер одностороннего усовершенствования интеллектуальной стороны, подавившей ряд других сторон организма. Таким образом человек, сравнительно с ближайшими к нему животными, одарен более емким черепом и обладает несравненно большей степенью умственных способностей, но в то же время он лишен готовых средств к защите, как, напр., шерстного покрова, сильных клыков и пр. Этим объясняется, между прочим, большое число остаточных органов у человека. Являясь в результате одностороннего усовершенствования, человек не столько примыкает к взрослым человекообразным животным с вполне развившейся многосторонней организацией, сколько к их зародышевому или отчасти детскому возрасту, со сравнительно большим черепом и малым лицом и с слабо развитым шерстным покровом.

Рядом с изменчивостью в живой природе действует еще другой могучий фактор—наследственность. Не подлежит сомнению, что он обуславливает не только передачу грубых физических признаков, но и таких черт, как, напр., болезненное расположение, самые болезни, как телесные, так и так называемые душевные и даже свойства характера и склонность к преступлениям и т. д.

Сильно распространенное в прежние времена мнение, будто человеческий организм представляет образец совершенства, выше которого ничего быть не может, не выдерживает более критики. Еще Иоганн Мюллер (в первой половине XIX столетия) показал, что даже в совершеннейшем из наших органов—глазе, поправка аберрации света неполная. В еще более новое время Гельмгольц

указал на другие несовершенства в устройстве глаза. „Точное изучение оптического устройства глаза за последние десять лет,— говорит он,—привело к разочарованию относительно некоторых его отличительных свойств. Природа,—прибавляет он,—как бы нарочно скопила противоречия для того, чтобы устранить все основания теории предсуществующей гармонии между внешним и внутренним миром“. Чем сложнее данная машина, тем труднее правильное сочетание и взаимодействие всех частей ее, и тем легче нарушение общего строя. Это правило применяется и к одной из самых сложных животных машин—к человеку. Будучи существом общительным и притом принадлежа к числу наиболее изменчивых (так называемых полиморфных) видов, человек в высшей степени подвержен влиянию постоянно изменяющихся внешних условий ¹⁾, вследствие чего он всегда находится в процессе применения к ним. Явившись, как было сказано, в результате одностороннего усовершенствования организации своего зоологического прародителя, он внес с собою зачатки органических противоречий, разлада между отправлениями своих отдельных частей. Не представляет ли, в самом деле, явного противоречия тот факт, что орган, развитие которого сопряжено с нарушением общего здоровья и так часто бывает смертельно, оказывается всего менее необходимым в человеческой жизни. Я говорю о зубах, которые могут быть заменены как соответствующим размельчением и приготовлением пищи, так и непосредственно искусственными зубами. Противоречие становится еще более резким ввиду того, что особенно большую опасность при прорезывании представляют клыки, т. е. именно зубы, наименее нужные человеку.

Подобные противоречия не составляют единичного факта. Особенно резко бросается в глаза разлад в аппарате, служащем для размножения. Развиваясь у человека сравнительно очень долго, этот аппарат созревает не одновременно, а последовательно; притом чувство, выражающее эту потребность, появляется в такую раннюю пору, когда существенные органы размножения еще не созрели и когда самый процесс, поэтому, еще невозможен. При дальнейшем развитии созревают и эти органы, но опять в такое время, когда человек еще не достиг полной зрелости и умения воспитывать детей. Отсюда возникает ряд явлений, которые называют ошибочным термином „неестественными“ и которые влекут за собою болезни и другие несчастья, следовательно, идут наперекор цели человеческой жизни, которая, согласно мнению людей, состоит в достижении наивозможно большего общего блага или счастья в самом широком смысле слова.

Я считаю употребительный термин неправильным потому, что явления эти кроются именно в самой природе человека. Вот почему так называемые первобытные народы, наименее изменен-

1) Под внешними условиями тут разумеется не столько влияние климата и почвы, сколько другие, более быстро меняющиеся факторы, как, например, изменения в составе и движении населения, изменения культуры в самом широком смысле, и т. п.

ные культурой и, как принято выражаться, стоящие наиболее близко к природе, не представляют той „естественности“, о которой говорил и мечтал Ж.-Ж. Руссо, а нечто прямо противоположное. В начале настоящего очерка я привел ряд фактов, показывающих, как сильно стараются дикари изменить „естественный“, природный образ человека. В сфере половой жизни они предаются онанизму и другим так называемым „неестественным“ действиям ¹⁾. Нарушение родительского инстинкта у них проявляется на каждом шагу в форме столь распространенного детоубийства. Вытравливание плода у них также употребительно. Все это вытекает из основного разлада в человеческом организме, из разлада между данными природою свойствами и человеческим идеалом счастья.

Итак, резюмируя сказанное о человеческой природе, мы видим, во-первых, что она содержит в себе более или менее явные, или более или менее сохранившиеся, или заглохшие следы животных предков; во-вторых, что человек, подобно прочим существам, в сильной степени подчинен законам наследственности и изменчивости, и, в-третьих, что в его природе замечается и самим человеком чувствуется более или менее резкий разлад между тем, что есть, и тем, к чему он стремится. Таким образом природа наша оказывается изменчивой и дисгармонирующей с нашими стремлениями.

Мы видели как реагировали первобытные народы. Но как же справлялись с затруднениями античные народы и как соглашались они их с общим принципом преклонения перед природою. Вот что говорит один из новейших авторов об истории нравственности—Лекки: „В древности только немногие люди порицали искусственное вытравление плода, и на основании принципа общей пользы многими доказывалось, что препятствие рождению составляет во многих случаях благодеяние. Аристотель не только разрешал в Греции этот обычай, но даже желал, чтобы он был предписан законом в случае, как только население перейдет известный предел. Не было закона, который бы препятствовал этому ни в Греции, ни в римской республике, ни в течение большей половины империи“ (I. с., II, 16). Кроме того, по свидетельству специалистов, в древней Греции была сильно развита „неестественная любовь“ (педерастия), которой, между прочим, был предан (хотя и в меньшей степени, чем большинство) основатель стоицизма Зенон. Философы этой школы „только до тех пор предпочитали жизнь смерти, пока оставались существенные условия для жизни, сообразной с природою“ (Целлер, I. с., III, I, 287). Но, видимо, условия эти оставались плохи, так как стоики очень часто кончали жизнь самоубийством. Сам Зенон лишил себя жизни: сломав себе палец при выходе из школы, он так поразился своей немощью, что, ударив землю ногой, воскликнул: „К чему эти мучения! Земля, я повинуюсь твоему призыву!“,—и вслед затем удавился.

¹⁾ Об этом и вообще о разладе в человеческой природе см. очерки „Воспитание с антропологической точки зрения“ в т. I „Вестника Европы“ за 1871 г. и „Возраст вступления в брак“ в т. I того же журнала за 1874 г. (перепечатаны в настоящ. сборнике).

Из сказанного ясно вытекает, что греческий принцип естественной жизни не прилагался в весьма важных случаях; но, кроме того, он, как было сказано выше, толковался самым различным образом и настолько произвольно, что, придерживаясь его, различные школы совершенно различно понимали правила нравственной жизни.

Христианство действовало против самоубийства, детоубийства и отравления плода, и ему до тех пор удавалось несколько справляться с этими бедами, пока само оно сохраняло первоначальную силу и чистоту. Но зато оно ввело безбрачие и умерщвление плоти, т.-е. обязанности, которые сначала соблюдались строго и отчасти заменяли запрещавшиеся христианством меры; впоследствии же снова появились последние, а безбрачие и умерщвление плоти сохранились только в виде формальности. Сильное распространение в новом мире искусственных мер с целью препятствия рождению есть факт общеизвестный. В Америке существует между докторами большое число специалистов по этой части, а в Европе в них даже и не оказывается особенной надобности, так как самому народу известно достаточное количество соответствующих средств.

Итак, мы видим, что при всевозможных воззрениях на нашу природу, человечество никогда вполне не удовлетворялось ею. Не так легко, следовательно, „жить сообразно с природою“, как это может показаться с первого взгляда. И это, очевидно, не простая случайность. Рассуждая об условиях разномыслия первобытного человека, Дарвин, между прочим, высказывает следующую мысль: „В самую отдаленную эпоху, — говорит он (I. с., I, 149), — прежде чем человек достиг человечности, он руководился более инстинктом и менее рассудком, чем в настоящее время дикари. Наши древние получеловеческие прародители не убивали детей, потому что инстинкты низших животных никогда не бывают так извращены, чтобы привести их к правильному уничтожению потомства“. Т.-е. получеловеческие существа, сделавшись людьми, потеряли прежнюю силу инстинкта и стали заменять его рассудком, при чем инстинктивные действия извратились: инстинкт самосохранения стал нарушаться самоубийством, инстинкты семейные извратились ввиду детоубийства и т. д. Один английский критик заметил по поводу этого, что Дарвин, сам того не сознавая, восстанавливает еврейское предание о грехопадении человека. Во всяком случае, замечательно, что такие извращения природных инстинктов, т.-е. именно так называемые „неестественные действия“, составляют одну из самых характерных особенностей человека. Не указывает ли это на то, что эти действия сами входят в состав нашей природы и потому заслуживают очень серьезного внимания.

Можно утверждать, что вид *Homo sapiens* принадлежит к числу видов, еще не вполне установившихся и не полно приспособленных к условиям существования. Унаследованные им инстинкты потеряли свою первоначальную силу, сделались шатки, тогда как долженствующий стать на их место разум еще недо-

статочно развился и окреп. Отсюда раздвоение и разлад, со столь ранних пор обратившие на себя внимание человечества. Более чуткие в делах человеческих поэты, кажется, первые сознали его, как это видно, например, из многих мест „Фауста“: „Zwei Seelen fühl ich, ach, in meiner Brust“ (две души, чувствую я, живут в моей груди) и т. д., или из следующих стихов Байрона:

... Все в этом мире
Течет спокойно, ровно, бесконечно;
А мы—его цари и лже-владыки,
Часть божества в смешении с частью праха,
Равно бессильные подняться кверху
Иль вниз упасть,—мы двойственной натурой
Гармонию природы оскорбляем.

(„Манфред“, сцена II.)

Наука только теперь приходит к убеждению в существовании органического разлада в человеческой природе¹⁾, и возможно, что вскоре прикладное знание найдет возможным воспользоваться ее результатами, с целью „искусственным“ путем установить большую гармонию. Теперь нельзя более разделять взглядов, подобных воззрению Гютчесона, что „все наши естественные желания и стремления, даже и низшего разряда, даны нам на благо“ или что все прекрасно в первоначальном естественном своем виде. Нет, наша природа заключает стороны, которые могут и должны быть устранены и видоизменены, и прикладное знание (искусство в широком смысле) должно содействовать этому. Если различные предпринятые до сих пор попытки (вроде приемов дикарей и средневековья), законность которых не подлежит более сомнению, оказались неудачны и подчас смешны, то это не может служить еще доказательством, чтобы и попытки, предпринятые с тою же целью при посредстве науки и искусства, постигла та же участь. Не следует забывать, что и теперь есть сферы, в которых человеческое искусство стало неизмеримо выше природы (музыка).

Отстаиваемое здесь воззрение существенно противоположно эллиническому фаталистическому натурализму. Оно старается выдвинуть активный фактор воли на подобающую ей высоту и не подавлять многочисленных и столь дорогих человечеству стремлений и идеалов на основании лишь того, что они не могут быть совмещены с природою человека в данный момент. Вот почему

¹⁾ Мне кажется, что развиваемая здесь теория дисгармонии, высказанная раньше в очерках о воспитании и возрасте вступления в брак, достаточно пояснена. Нечего и говорить, что мне никогда и в голову не приходило доказывать, будто существует дисгармония с законами природы, и будто, поэтому, дисгармонические проявления составляют нечто сверхъестественное. Всякая болезнь составляет также естественный результат законов природы, но тем не менее человек стремится устранить ее. Проф. Бекетов (в журнале „Природа“ кн. I, 1876) не понял истинного смысла теории и несправедливо вооружился против нее. Если сказанное мною и теперь покажется неясным, то я советую читателю прочесть главу „Логика“ Милля о свободе и необходимости.

и при решении частных случаев, как, напр., упомянутых в начале статьи женского и невольнического вопроса, столь желанный выход из создаваемого тягостным положением не может быть задерживаем на основании ссылки на особенности женского организма или на природу так называемых низших рас. Эти „данные природы“ условия сами подлежат изменчивости и могут улучшаться в ответ на соответственные стремления.

Чтобы по возможности устранить возникновение недоразумений, я в заключение останавлиюсь на одном частном примере. Как известно, Дарвин и Уоллес положили в основание своего учения факт, что организмы размножаются в сильнейшей степени, чем сколько их может просуществовать; вообще можно сказать что потребностей больше, чем средств к их удовлетворению. В результате этого основного разлада, по независимо выработанному убеждению обоих ученых, является борьба за существование и подбор наилучше приспособленных особей. Таким образом устанавливается гармония, достигаемая в одном случае приспособлением к новой обстановке, в другом случае уменьшением плодовитости, и т. д. Все это совершается механически, без всякого участия сознания. Только у человека проявляется сознание разлада между размножением и средствами, и он начинает сознательно принимать меры для установления согласия; с этой целью он или старается увеличить свои средства, или же замедляет вступление в брак, или, наконец, искусственным путем уменьшает число рождений. Только те люди одерживают победу в борьбе за существование, которые следуют по одному из этих путей. Беспечные же люди оказываются в числе побежденных. Таким образом в человеческом мире сознание и воля являются факторами процесса подбора, который в мире остальных организмов справляется без них, и основной разлад устраняется при помощи самого человека активнейшего из всех живых существ.
